

Через несколько дней наш театр начнет гастроли в Вологде. И хотя гастрольный год еще продолжается и вперед, там, на гастролях, предстоит еще одна премьера, можно уже оглянуться и поразмышлять над тем, что было нам представлено на костромской сцене в ее 159-м сезоне. И суть таких размышлений должна быть, видимо, не в том, чтобы категорически «подвести итоги и наметить перспективы». Хотелось бы просто разобраться в тех чувствах, настроениях, мыслях, которые пробуждает в нас театр, и понять, наконец, к каким берегам несет его корабль.

Как только не шварзал этот старый фрегат на его долгом веку, на какие только мели его не сажали цинные рудные, какие только каштаны не оглашали его своим зычным командом, в каких только портах не поносили его экипаж и какие только бошманы не сплели на его палубах в спон бошманские дулки! И манты гулишь и скринели...

А ведь жив фрегат, и дитя его плавание. Дитяся, и коша ему нет, и времечки кажется, что все кораблю тому шло, и он снова молод, и курс его уверен, и даль ясна и прекрасна.

Балашное, между прочим, сравнение: театр—корабль, но что подлаешь, если и впрямь прихотливы повороты судьбы нашего театра, и немалую сложную кривую пришлось бы вычерчивать на карте тому любопытствующему человеку, который вздумал бы графически изобразить его творческий путь.

Были удачи и победы, и, наперное, triumphы; были неудачи и поражения. И это естественно, потому что театр—живое дело и оно в руках живых людей. Но случалось, особенно в последние годы, что театр походил на человека без своего лица. Он был всяким: посторженно-патетическим, намершим и колким, селезиво-сентиментальным, бурно-веселым, сверткальным, чрезмерно-усердным, умеренно-пошлым, и неслего было понять, где маска или гримаса, а где истинное, живое лицо. Лицо Костромского театра им. А. Н. Островского. Не московского (в его бесчисленных вариантах), не ярослав-

ского, не урюпинского, а именно костромского.

Можно, конечно, измыслить: таким должно быть это лицо и еще таким лог, и предписать постоянно улыбаются или деловито хмуриться. Но нашему театру никто не навязывает своих вкусов, не диктует свою волю, никто не ставил его к позорному столбу за ошибки минимые или действительные. Театр живет в атмосфере доброжелательности и спокойного внимания, он слышит слово помогающего, а не оглушающего чернящего. И это благо, и потому, если трудно было уловить истинное выражение его лица, то виноват в этом был скорее не сам театр и его прямые руководители.

Не раз и не два наши театральные критики находили в том или ином спектакле «открытие новых путей», переход к какому-то более мудрым творческим принципам. Потом, правда, оказывалось, что спектакль, открывающий «пути», одинок и случаен, а следующий поставлен «со всем набором» и отрывает «спутни» в своем отрещении тоже случаен. Вот почему человеку, пишущему о театре, приходится выражаться осторожно, чтобы не опережать события и не попасть впросак.

И все-таки, что ни говоришь, в минувшем сезоне добрых, светлых впечатлений от театра было значительно больше, чем горьких и мрачных. Пожалуй, некоторые спектакли сезона могли сломать равнодушие самых закоренелых скептиков, которые обычно ворчат: «провинциально», «самодельность», «вот в Москве», «пот в Ленинграде», «вот в нашем Трапезишке».—и в театр ни ногой. Теперь их все чаще встречаешь в зале. Добрый знак.

Приведем хотя бы «Варшавскую молодую». Какие только легенды не сочинены про нас, бедных провинциалов: и любят-ле они роскошные декорации, и еще более роскошные костюмы, и превьюше всего ценят спектакли за список действующих лиц на три страницы программки, а тут—на тебе: ходят по сцене лишь два человека и говорят, говорят, и страсти не рвут в клочья, а зал не кашляет, конфеты и мороженое не жует, а тихо-тихо переживает, Пер-

вый сезон отыграла на нашей сцене исполнительница роли гордой полачки Гелены заслуженная артистка Н. А. Аркадьева, но зритель уже заметил и оценил ее мастерство. Н. А. Аркадьева и Е. А. Воронова (Виктор) сумели рассказать историю печальную, но светлую, потому что даже любовь, варварски нарушенная, долго тянет в себе и излучает свет горького и сладостного несбывшегося. И были на спектакле зрители, которые плакали. От пробудившегося сочувствия и печали.

Правда, плакали и в другой раз. Давали «Сохрани мою тайну» В. Собоко. На сцене искалеченный человек встречался с дочерью, которую никогда не видел. У людей сердца не железные: поневоле заплачешь, когда увидишь жалостливую картину. Былши главный режиссер театра Л. Г. Тепляков был мастером по внешним эффектам, за которыми так часто, улы, танет энергичная суета или пуста. Сам выбор пьесы, уровень ее сценического протекания был, честно говоря, удручающий. Н. А. Добролюбов когда-то истолковывал произведение А. Н. Островского как «пьесы жизни». «Сохрани мою тайну» с пьесами жизни ничего общего не имеет, это подобие жизни, ее эрзац.

Наибольший интерес в сезоне вызвали спектакли, поставленные П. И. Слюсаревым, ныне главным режиссером театра: «Живой труп», «Собака на сене», «Трехгрошовая опера», «Дом сумасшедших». Это работы разного достоинства, но было заметно, как от премьеры к премьере становился увереннее, самостоятельнее, свободнее режиссерский почерк Слюсарева. В его последних спектаклях живут вдохновение, энергия, энтузиазм, объединившие творческий коллектив. Порою видишь: тут нарушено чувство меры, тут следы спешки, тут что-то не додумали, но как все это ничтожно мало в сравнении со сделанным, рожденным, вынесенным—с художественным результатом.

Порою Слюсарев несколько упущал драматургический материал, стараясь сделать его актуальнее, публицистичнее. Так было и в «Трехгрошовой опере» и в «Доме сумасшедших». Упрощение сложной тол-

стовской мысли произошло и в «Живом трупе». Поэтому были особенно интересны в «Доме сумасшедших» те не комедийные, а серьезные сцены, где режиссер дал простор теме человеческого страдания и одиночества и во многом добился успеха.

Спектакли Слюсарева в значительной мере определяют сегодня творческое лицо костромского театра. Это привлекательное молодое лицо.

Конечно, хочется, чтобы наш театр говорил о жизни более серьезно и глубоко, чем он это делает сейчас, чтобы он участвовал в познании современной действительности, привлекал внимание зрителей к философским и к наиболее драматическим ее «узлам». Для этого необходимы ряды с пьесами современными произведениями классики. Да, у нас ставили Горького и Островского, но спектакли эти почему-то не произвели особого впечатления.

«Для музейных спектаклей, возведение которых напоминает впечатление от выставочных макетов в кабинетах истории театра, сгодится и неклассическое, второразрядное произведение, забытое всеми, кроме знатоков этой истории. Зачем же для этого нужен Мольер?»—спрашивает Г. Товстоногов в одной из своих научных статей. Зачем для этого нужны Горький и Островский?—спросим мы.

Для нашего театра должно быть делом чести—хорошо играть Островского.

Репертуар сезона был традиционен, пестрым, угоджающим всем вкусам на свете. Теперь появилась надежда, что уже по репертуару нового сезона можно будет сказать, что любит и что отстает в искусстве и жизни наш театр. Только органическое сочетание русской и зарубежной классики, современных советских и зарубежных пьес может стать по-

истине цельным и продуманным репертуаром, на основе которого только и может развиваться и расти театр.

Бессмысленно сеговать на отсутствие или отставание драматургии. Лучшие наши театры находят драматургию, используя не только лучшие образцы художественной прозы и поэзии, но и прозы документальной.

Минувший сезон еще раз показал, что у нашего театра есть основа для хорошей актерской труппы. В ряде ролей ярко выступили заслуженный артист РСФСР В. С. Макасов, С. Е. Каленский, заслуженный артист ТАССР Г. Ю. Ригерт. По-новому показала себя целая группа способной артистической молодежи: Т. Глелер, И. Левченко, Ж. Сиротина, М. Пахоменко, Д. Кромский, С. Манухин и другие. Надо надеяться, что более счастливо сложится в новом сезоне творческая судьба заслуженных артистов республики Л. И. Ганьовой и Н. А. Стрелковой, чьи имена пользуются у костромичей уважением и признанием.

Заниматься перечислением актерских имен—дело довольно шекотливое, потому что всех перечислить невозможно. Зритель сам знает и любит лучших актеров, и эта любовь щедря.

Трудные задачи стоят перед руководством театра. Предстоит сплотить коллектив, сделать его поистине творческим, единым коллективом единомышленников. Хороший был призыв у Маяковского: «Сварим общую курицу славы и каждому выдадим по равному куску».

Новый сезон еще далеко, но костромичи, похаживая на спектакли гостей, будут помнить о своем театре и будут надеяться, что новый, 160-й сезон будет счастливым и для режиссеров, и для актеров, и для зрителей. И значит, для искусства—гражданского, честного, проникнутого гуманными коммунистическими идеалами.

И. ДЕДКОВ.



СЕВЕРНАЯ ПРАВДА

30 мая 1968 г.

3 стр.